

Глава 9. О статусе современной социальной теории и её антропологической ориентации

Что такое социальная теория? К постановке проблемы

Пожалуй, нет для нас сегодня актуальнее вопроса, чем вопрос о том, что препятствует социальной теории (или теориям) прекратить дальнейшую фрагментацию и дезинтеграцию знания о человеке и обществе? В какой мере она соотносится с современной философией и социальной философией и философской антропологией, в частности? Возможна ли антропологическая ориентация такой теории?

Нам представляется, что всякая философия, включая позитивистскую, есть по определению ценностно-ориентированное (валюативное) и софийное знание. В ней органически сочетаются стремление постичь мир должного и мир сущего. С этим связаны две ветви одного философского древа – практическая (нравственная) философия и теоретическая (эпистемная) философия. На наш взгляд, социальная теория примыкает к последней области философии в поисках моделей познания социальной реальности. Между ней и философией существуют некоторые опознавательные отличия.

Во-первых, и то, и другое знание имеют дело с сущностью социальной реальности, но сущностью разного порядка – *сущностью всеобщего* (социальная философия) или сущностью *особенного и единичного* (социальная наука).

Во-вторых, социальная философия – это познание *сущего*, разумеется, в ценностно-должностном контексте, а социальная наука – изучение существенного, существенных характеристик.

В-третьих, и философия, и наука проникают в *тайны и смыслы* социального бытия. Первая – формулируя априори предельно общие категории и законы, вторая – открывая законы социальной жизни и основываясь на разных способах интерпретации и анализа многочисленных фактов.

При таком понимании социальная теория – это *постижение общего в единстве сущности и существования (а не всеобщего и особенного), а сущего – в его существенном и существенного – в его сущем*. Она лавирует между философией и

наукой, вбирая в себя в то же время их способы фрагментации социально-научного знания и методы философской аргументации и представляя их далее в виде многомерной картины социального мира человека.

Наша позиция по поводу статуса социальной теории изложена в серии книг «Введение в социальную теорию» (в 3 ч.), которая вышла в 1999–2003 гг.¹⁸⁸ При этом надо отметить, что социальная теория для нас – это не только специфическая и предельно высокая форма научной рефлексии социальной действительности, но и рефлексивный анализ социально-научного знания¹⁸⁹.

Попытки построить общую социальную теорию явилась реакцией на усиление догматизма «старой» социальной философии и чрезмерное усиление дифференциации социальных наук. Это – комплексная и интегративная социально-научная дисциплина, изучающая общество, *с одной стороны*, как один из уровней социума – предельно общей формы социального бытия людей, *с другой стороны*, как часть социального мира, включающего не только сообщества животных, но и те формы социальной жизни, которые принято называть «высшими».

В качестве примера социальных теорий можно привести теорию общественно-экономических формаций К.Маркса, теорию социального действия М.Вебера, теорию систем действия Т.Парсонса, теорию самореферентных систем Н.Лумана, теорию коммуникативного действия Ю.Хабермаса, теорию социального пространства П.Бурдьё, теорию структуризации Э.Гидденса и др.

В отечественной социальной мысли к ярким представителям социальной теории следует отнести С.Л.Франка, П.А.Сорокина. В советский период социальная наука была скована жесткими идеологическими оковами и фактически прекратила свое существование. И лишь в последние десятилетия прошлого века социальная теория стала постепенно возвращать себе утраченные позиции. Хотим отметить в этот период труды В.Ж.Келле, М.Я.Ковальзона, В.П.Кузьмина, В.Г.Афанасьева, В.С.Барулина и многих других социальных ученых, оказавших заметное влияние на развитие марксистской теории социально-исторического процесса.

О некоторых направлениях отечественной социальной мысли

Современные исследования в области социальной теории демонстрируют, с одной стороны, приверженность старым догматическим схемам марксизма, а, с другой, «всеядный плюрализм», стремящийся согласовать порой противоречивые позиции в безбрежном океане социальных идей.

Новое поколение социальных теоретиков еще только формируется в постсоветской России. После резкого отказа от прежней парадигмы теоретического обществознания в нашем обществе начался мучительный поиск новых идейно-теоретических ориентаций.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. идейные предпочтения отечественных социальных ученых сгруппировались вокруг нескольких исследовательских ориентаций:

1) социально-теоретические исследования марксистской и немарксистской ориентации («латентный» марксизм);

2) социальные исследования структурно-функционалистской ориентации, взявшие за основу идеи Т.Парсонса и Р.Мертона;

3) социальные исследования «понимающей» и феноменологической ориентации (примечательно, что к ней условно можно отнести тех исследователей, которые успешно осваивали эти направления еще в советский период в форме критики «буржуазной» теоретической социологии);

4) социальные исследования, осуществляемые под непосредственным влиянием западных концепций постструктурализма и постмодернизма (в какой-то момент эти модные течения стали заполнять теоретический вакуум, образовавшийся в 1990-е гг. в отечественной социальной науке).

К сожалению, нужно констатировать, что мы до сих пор стоим на пороге открытия научных школ в России. Как известно, ядром таких школ выступает парадигма, господствующая в определенном научном сообществе, которое имеет четко выраженную организационную структуру – лидера, его соратников или сподвижников и многочисленных учеников.

Но значительное отставание теоретической социальной мысли в России нельзя рассматривать как приговор отечественным ученым, или теоретический тупик, как полагает А.Ф.Филиппов¹⁹⁰.

Она прорастает шаг за шагом в нынешней России, обескровленной в духовном плане бесконечными реформами и сменой идеологических устоев. Однако процесс институционализации социальной теории чрезмерно затянулся, хотя и на Западе он длился больше столетия. Поэтому можно лишь отчасти согласиться с А.Ф.Филипповым в том, что в отечественном сообществе «нет обширных и постоянных коммуникаций, тематизирующих, прежде всего, фундаментальную социологическую теорию, нет обширных концептуальных построений (разветвленной теории), нет достаточно самостоятельных последователей... какой-либо признанной западной школы, нет и заметных претензий на создание своего большого теоретического проекта»¹⁹¹.

Отечественная социальная мысль пережила за последние десятилетия мимолетные или продолжительные «романы» с разными идейными течениями, заимствованными из западных социальных теорий. Она, увы, была «больна» структурным функционализмом (конец 1960-х – начало 1970-х гг.), когда появились первые переводы работ Т.Парсонса и других представителей функционализма. Затем были попытки понять субъективную и феноменологическую ветвь западной социальной мысли (конец 1970-х – начало 1980-х гг.). Теперь мы наблюдаем запоздалые обращения некоторых отечественных исследователей к потерявшим свою прежнюю актуальность теорий с обязательной приставкой пост-, но не утративших модного блеска. Остаточные явления этих бурных увлечений мы видим и сейчас, когда обращаемся к исследованиям, выполненным в духе постмодернистских дискурсов.

Сегодня можно в лучшем случае говорить об исследовательских ориентациях в отечественной социально-теоретической мысли, наметившихся в 1990-е гг. И все же среди наших социальных ученых имеются, вопреки мнению А.Ф.Филиппова¹⁹², представители марксистской традиции, стремящиеся утвердить теорию К.Маркса в качестве альтернативы позитивистскому мышлению¹⁹³; последователи научной традиции, получившей в последнее время название «социокультурный подход», фундамент которого заложили, как известно, П.Сорокин и Т.Парсонс; сторонники П.Бурдьё, развивающие его теорию в духе постструктурализма; последователи социальной теории Р.Коллинза, разделяющие его сравнительно-исторический подход к дифференциации социально-гуманитарного знания. Весьма

интересные теоретические положения содержатся в учебных пособиях по социальной философии (В.С.Барулин, В.Е.Кемеров, К.Х.Момджян, К.С.Пигров), общей социологии (М.С.Комаров, Л.Н.Москвичев, С.С.Фролов, А.Г.Эфендиев), теории социальной и культурной антропологии (Э.А.Орлова, Ю.М.Резник и др.). В сфере социального и социологического теоретизирования сегодня успешно работают А.М.Руткевич, А.А.Давыдов, А.Д.Ковалев и др.

Итак, даже беглый обзор отечественных концепций и подходов в области социальной теории свидетельствует о назревшей потребности в обобщении и систематизации теоретических позиций наиболее авторитетных и признанных (благодаря их научным публикациям) членов социально-научного сообщества.

От какого идейного наследства мы отказываемся или какой «не должна быть» социальная теория?

Говорить о том, что теория должна быть логически обоснованной, или о том, что она не может быть оторвана от практики, сегодня явно недостаточно. Гораздо важнее определить предметную сферу такой теории, которая непосредственно связана с концептуализацией понятия «социальное». К сожалению, здесь имеются и старые ортодоксальные схемы, и позитивистские интерпретации, и новые спекуляции на тему «социальная сфера общества». Не случайно Ф.А.Хайек предупреждал в свое время об опасности злоупотребления термином «социальный», который он называл не иначе, как «словом-лаской», искажающим содержание слов, с которыми оно сочетается.

В настоящее время социальная теория должна избежать двух опасностей, которые ее могут погубить, – положения ортодоксальной доктрины времен господства исторического материализма, с одной стороны, и ситуации «теории узкого назначения», обслуживающей интересы чиновничьей корпорации, с другой. Обе версии ревизии современной социальной теории связаны с полярными точками зрения на природу социального и социальной реальности. Еще одна опасность подстерегает социальную теорию в ходе позитивистской реконструкции ее методологического оснащения.

Первая позиция в построении социальной теории уподобляет последнюю общей теории общества. Так, по мнению М.Н.Руткевича, материалистическое понимание истории, созданное Марксом, по-прежнему выступает социальной философией, философией истории и макросоциологией¹⁹⁴.

Но как возможно, чтобы различные уровни и типы знания об обществе были объединены единым названием? Такое, мягко говоря, допущение, не только отрицает возможность существования социологии как науки, но и отказывает философии в наличии у нее собственной предметной специфики. Отождествление социальной философии и общей теоретической социологии характеризует еще не изживший себя и догматический взгляд, препятствующий в жесткой форме институционализации двух родственных и вполне самостоятельных дисциплин – социологии и социальной философии.

Со времени выхода фундаментальных работ Т.Парсонса и Э.Гидденса уже недостаточно рассматривать социологическую теорию как науку о законах функционирования и развития социальных систем¹⁹⁵. Ее предмет значительно уже и определеннее, а именно – он предполагает изучение социетальных явлений и процессов в современном (индустриальном и постиндустриальном) обществе. Точно так же не стоит искусственно приписывать социальной философии функции единственно возможного теоретического фундамента конкретных социологических исследований, как это было в эпоху доминирования исторического материализма.

Другая крайность заключается в попытке некоторых исследователей неправомерно сузить предметное содержание социальной теории до понимания отдельно взятой «социальной сферы общества». Однако выделение этой сферы в научном познании дело весьма сомнительное. Пусть этим занимаются управленцы, предпочитающие видеть во всем объект административного регулирования. Но когда исследователи пускаются в рассуждения о приоритетах социальной сферы жизни российского общества, то мы видим здесь, кроме поверхностного понимания предмета и методологической засоренности языка чиновничьей по сути «науки», еще и грубую онтологическую ошибку и прежде всего подмену понятий – выделение этой сферы по разным основаниям.

На фоне столь неоднозначной версии социальной теории представления Н.С. Розова о логической структуре и научном статусе социально-исторической теории выступают полной противополож-

ностью¹⁹⁶. Перед нами образец строгого в формально-логическом смысле теоретизирования по историко-теоретической проблематике. Опираясь на труды позитивистски настроенных западных ученых и оперируя понятиями «парадигма», «исследовательская парадигма», «методологическая лестница», автор детально анализирует состав и основные исследовательские процедуры макроисторической теории. Он демонстрирует нам добротное знание методов теоретической истории и процедур их применения, например, «проблематизация», «предметизация», «исходная теоретизация», «логико-эвристический анализ», «содержательный анализ» и т.д. При таком подходе теория «освобождается» от тлетворного влияния философии с ее субъективистскими интенциями, но еще не превращается полностью в формальную (например, математическую) теорию. Здесь мы имеем дело с неким «гибридом», родившимся от искусственного скрещивания вырванного из контекста содержания теоретической социологии/истории и позитивистской методологии/логики науки.

Конечно, данная схема разработки и апробации метода теоретической истории заслуживает внимания. Кто-то же должен в научном сообществе проделать огромный труд по систематизации разрозненных представлений и методологических изысков западных исследований и представить нашим читателям их аналитическую выжимку.

Итак, на вопрос о том, какой не должна быть, с моей точки зрения, социальная теория, можно ответить так.

Во-первых, она не должна быть догматической и ортодоксальной (как сказал классик, «марксизм не догма, а руководство к действию») теорией общества, диктующей свои положения и выводы другим наукам (никто еще не доказал правомерность существования единой теории общества и не отверг неправомочность принципа идейно-теоретического плюрализма в социальной науке).

Во-вторых, она не должна быть спекулятивной теорией о том, что на самом деле существует лишь в представлениях бюрократии или в воображении некоторых нерадивых исследователей, не желающих открыть для себя достоинства высокой теории и пускающих в сомнительные рассуждения о «социальной сфере общества».

В-третьих, социальная теория, прошедшая длительный путь научной эволюции и философского вызревания, не должна уподобляться позитивистски ориентированной формально-логической схеме социально-исторического процесса; она не может не учиты-

вать весь широкий и разнообразный контекст социального теоретизирования, накопленный как объективистскими и функциональными, с одной стороны, так и субъективистскими и феноменологическими направлениями, с другой.

Какой может быть социальная теория? Об антропологическом повороте в современном социальном познании

В последние десятилетия человек постепенно был исключен из предметного содержания социальной теории. Как известно, социальные теоретики XX в. (Т.Парсонс, Н.Луман и др.) вынесли человека и личность за рамки социальной системы. Теперь, когда многими учеными осознается неразрывная связь общества с природой, а общество трактуется как социоприродный феномен, пора, наконец, признать, что человек и общество находятся на одном уровне эволюционного развития и вернуть его в лоно социальных наук.

Здесь мы подходим к тому, чего так не хватает сегодня и объективизированной социальной философии и десубъективизированной социальной теории. Мои уважаемые оппоненты называют это «антропологизацией». Конечно, они не возражают против попыток вернуть в социальную теорию человека как интегрированного субъекта, но почему-то усматривает в этом налёт номинализма и субъективизма.

Антропологизация отечественного обществознания явилась следствием его системного кризиса, чертами которого исследователи считают, с одной стороны, общий кризис рационализма вообще, а с другой, функциональный кризис теоретического обществознания (а по сути дела – социальной философии), которое перестало восприниматься конкретными социальными учеными как общая теория социума. Этому способствовало в немалой степени применение естественнонаучной и позитивистской логики и методологии социальных исследований.

«Внутренний» кризис социально-философского знания – это кризис притязаний и амбиций известных авторов, которые не могут смириться с потерей их дисциплиной статуса общесоциологи-

ческой теории. Они не могут отказаться от принципа бинарности в предметной области социальной философии, по-прежнему смешивая социологические категории «деятельность», «действие», «взаимодействие» с категориями философии – «субстанция», «материя», «сознание». Отсюда вытекает противоречие между желанием «постичь непознаваемое», проникнуть в тайны мироздания, что присуще метафизике, и установкой на использование критериев научного дискурса и обоснования суждений, что характерно для социальной науки.

В чем же заключается суть антропологического поворота и антропологического подхода в социальном познании? Потому что социальная теория (будь то философская или строго «научная») никогда не имела дело с целостным человеком, интегрированным с обществом. Она изучала и изучает его в усеченном виде, как человека социального, политическое животное, социальный атом, личность и т. п.

Специфика антропологического подхода заключается, прежде всего, в том, чтобы раскрыть сущность родового человека как субъекта и творца мира и самого себя. Главный тезис антропологического переворота в социальном знании сформулировал еще И. Кант в своем проекте прагматической антропологии. Это – «исследование того, что *человек* как свободно действующее существо *делает или может и должен делать из себя сам*». Самоделание, или, точнее, самодеятельность, свободное и сознательное конструирование человеком самого в себя в обществе и посредством общества – вот основной предмет научного интереса антропологически мыслящего социального теоретика. Именно в этом заключается, по мнению многих исследователей, смысл культуры.

С этой точки зрения человек рассматривается как самореферентная система, а общество – как одна из граней его самоактуализации и рефлексивного постижения. Свобода же человека в каждом конкретном обществе имеет свои границы и определяется общим уровнем развития культуры. Предельно доступной формой свободной самоорганизации социума на современном этапе выступает гражданское общество, в котором и посредством которого человек осуществляет себя как родовый человек, т. е. представитель всего человеческого рода.

Поэтому антрополог вместо того, чтобы искать «первокирпичик» или «клеточку» социального бытия, т.е. единую субстанцию социальной жизни, предпримет анализ одного, единственного случая или жизненной ситуации, в которой представлено все разнообразие социального мира человека.

Далее. Антропологический поворот в социальной теории – это скорее *поворот сознания ученого* и всего процесса познания, в результате которого изменяется представление о человеке как существе одномерном – политическом, экономическом, или социальном в узком смысле этого слова.

По мнению Н.Лумана, человек не входит в социальную систему целиком. Он включен в нее лишь одной своей гранью – личностью, опосредующей его взаимодействие с социальным окружением. Но в этой своей ипостаси он представляет собой целостную соотнесенность разных миров и органическую привнесенность человеческого мира в мир социального.

Пределом исканий традиционных социальных ученых является многомерный человек, исследования которого базируются на методологии комплексного анализа. Однако *постижение многомерности человеческого мира* и человека как референтной и самореферентной системы еще не гарантирует его антропологического видения или понимания.

При субстанциальном подходе человек рассматривается исключительно как субъект и продукт деятельности. Исследователя интересуют только функциональные определения и деятельностные способности человека. Все остальное, недейтельностное отходит на второй план. Вопрос о духовности и творчестве также отпадает.

Какой же напрашивается вывод? Нужна другая, более адекватная методология изучения человека, рассматриваемого в контексте его взаимодействия с обществом.

Антропология за период своего развития накопила достаточный методологический арсенал, чтобы внести коррективы в процесс социального познания человека.

Первое. Одно из важных качеств антропологического поворота в социальной теории как теории социального – это *взгляд с позиции иного* (заметьте, не инакомыслия, а иномыслия и инобытия). По словам Э.Гидденса, социология изучает нас, «белых», живущих в индустриальном обществе, антропология же с самого нача-

ла исследует их, «черных», существующих в традиционном обществе с первобытным укладом жизни. Сегодня антропология в силу «утраты» своего классического объекта (культурной ассимиляции первобытных сообществ) обратилась к проблемам современного общества, сохранив при этом *методологию исследования иного*.

Иное – это не только своеобразие народов и людей, но и мир запределных вещей, постигаемых порой лишь в состоянии измененного сознания, которое граничит с помешательством (магия и колдовство). Это также – глубинные слои человеческой реальности, выходящие за пределы культуры и социальности в мир трансцендентного («объективных мыслительных форм», «мирового разума» и пр.). Именно антропология в союзе с психологией открывает простор социальной теории для постижения трансперсональных состояний человека.

Второе. Взгляд с позиции иного предполагает и другую методологическую ориентацию и разнообразные приемы исследования. По мнению Леви-Строса, антропология в отличие от традиционной науки строит науку об обществе с точки зрения наблюдаемого. Она расширяет объект своего исследования, включая туда и общество самого наблюдателя, достигая тем самым ситуации рефлексивного взаимоотражения наблюдателя и наблюдаемого. Традиционная же социология, включая и ее субстанциально-деятельностную ветвь, изучает общество и человека с позиции наблюдателя. Поэтому социальный мир в ней таков, каким его видит исследователь, а не исследуемый.

Методология исследования человека и общества с точки зрения наблюдаемого опирается на непосредственный, живой контакт исследователя с туземцами (будь-то австралийскими аборигенами, членами современной промышленной организации, иммигрантами или учеными), в результате которого восстанавливается весь контекст жизни связей исследуемых, включая присутствие самого исследователя.

Третье. Традиционный социальный ученый, исповедующий структурно-функциональную или субстанциалистскую идеологию, будет реифицировать, по словам Э.Тирикьяна, непосредственно видимое, т. е. институциональные системы, принимая их за истинную структуру общества. Ей неведомы латентные структуры, в т.ч. структуры коллективного бессознательного, ле-

жащие в основе динамики культуры. Социолога-субстанциалиста интересуют только стандартизированные формы поведения, одним словом, упорядоченная социальность, организованная посредством норм в «клеточки», «кирпичики» и «атомы».

Антрополог же начинает свое погружение в повседневную реальность с выявления деструктурных и внеинституциональных форм жизни или общежития людей. Он стремится проникнуть в глубинные пласты культуры, предшествующие появлению институциональных структур. Такие формы социального существования человека Л.Г.Ионин называет диффузными, противопоставляя их концентрированным формам. Однако поиск универсальных ценностей и образцов совместной жизни людей, преследующий антропологическое воображение с момента его превращения в научное познание, несколько осложняет и затрудняет процесс постижения человека.

Итак, антропологический ракурс социальной теории состоит не в том, чтобы призвать всех социальных ученых стать под знамена антропологии или убедить их вернуть человека в социально-научную проблематику. Его назначение заключается в том, чтобы дополнить и преодолеть субстанциалистскую или объективистскую картину человека, обреченного жить в статусно-иерархическом и системно-детерминированном обществе, пониманием многомерности и многогранности человека как свободного существа, живущего в социоприродном мире и прокладывающего дорогу в неизвестность.